

I

СКЛЕП В ЛЕСУ

*Покидая мир, боги света и тьмы
оставили после себя стражей, поручив
им хранить равновесие сил.*

*Дав – небесный страж.
Див – стражник,
дэва – стражница.*

*«Легенды Дэвлата».
Библиотека Академии Снов.*

*Земля идет трещинами, подобно замерзшей глади озера.
Толчки, будто под ногами бьется чье-то сердце. Оно будто
сотрясает весь Дэват. Каждый удар – часть отсчета до
того момента, когда этот мир изменится раз и навсегда.*

*«Это конец», – думаю я, прежде чем полностью осознаю
происходящее.*

*Эта мысль не покидает меня ни на секунду, даже когда
ровное поле под ногами, что простиралось на милю вокруг,
трескается, а куски почвы с изумрудными островками тра-
вы исчезают в вихре темной энергии.*

*Я бегу, зная, что позади разворачивается бездна, и с каж-
дым мгновением лишь сильнее чувствую ту тьму, что проры-
вается наружу.*

*Но он рядом – следует по моим пятам. И поэтому я не
боюсь. Лишь в одиночестве умирать страшно...*

*Новый подземный толчок едва не сбивает с ног, и гул, ви-
севший в воздухе, взрывается раскатистым грохотом. Мы в*

Академии Снов несколько лет изучали портал в Серый мир, но никто не думал, что кто-то из нас двоих создаст еще один здесь, на материке.

Как никто и не предполагал, что этот раскол все же нас убьет.

Я оборачиваюсь. Поле исчезает, куски грунта проваливаются внутрь, начиная с центра. Края бездны расширяются столь быстро, что всего за несколько секунд достигают нас. Я прыгаю и каким-то чудом оказываюсь на твердой поверхности – раскол не спешит расширяться, будто раздумывает, стоит ли ему идти дальше.

Но он не успел. И я кидаюсь к краю, откидываю прочь меч и падаю грудью на землю. Хватаю его за руку – за секунду до того, как под его пальцами крошится край обрыва.

Я едва успеваю.

Наши взгляды пересекаются, и я вижу в его глазах сожаление, боль и что-то еще... Благодарность? Лицо выглядит как никогда бледным. Он пережил слишком много утрат и остался почти в полном одиночестве.

– Отпусти, – говорит он.

– Нет, – упрямо шепчу я, помня, что обещала себе пройти с ним этот путь до конца.

Край земли, на котором распростерлось мое тело, дрожит, медленно ползет вниз и обещает вот-вот сорваться в пропасть.

Но я лишь крепче сжимаю его ладонь, стискиваю зубы и не позволяю слезам катиться по щекам, даже когда он пытается разжать мои пальцы, а мое сердце замирает.

– Отпусти меня, Сафа. Иначе мы упадем вместе, – становятся последними словами, которые я слышу перед смертью.

Он избавляется от моей руки, но уже поздно... Еще мгновение я вижу, как его тело падает вниз, в самую тьму, а по-

том, когда очередной толчок сотрясает раскол, срываюсь следом.

Я не кричу... Даже когда темная энергия портала окутывает мое тело. Прикрываю глаза, готовая заснуть навек.

Я примирилась со своей смертью. По крайней мере, я прожила эту жизнь не зря. До конца оставаясь верной себе.

* * *

Спустя 27 лет

Сара

Чужое дыхание стало первым услышанным мною звуком — частое, с придыханием, выдающим волнение. И когда оно приблизилось, я открыла глаза, увидев склонившуюся надо мной девушку. Лицо пухлое, со слегка курносым носом и бледной кожей.

Зрачки незнакомки расширились. Губы задрожали. Я почувствовала, как в секунду вспотела ее рука, что сжимала мое запястье.

А через миг она закричала — громко, надрывно. Ее голос разнесся эхом, резонируя в пустой каменной комнате, стены и потолок которой сплошь усеивали листки с кровавыми печатями.

Она стремительно отшатнулась, точно собираясь кинуться в бегство, но от шока так и не отпустила мою руку, потянув за собой. Дернулась, ударяя моей кистью о твердый бортик, — я лежала в каком-то каменном углублении.

Я поморщилась — больше от ее крика, что сотрясал и без того не оформившиеся еще мысли в моей голове, чем от боли. Незнакомка продолжала держать меня, от потрясения не осознавая, что не дает ей сбежать.

Спокойнее. Не кричи. Не бойся.

Я ожидала ощутить знакомое присутствие дара, теплом разливающегося по коже, но вместо него откликнулось что-то чужеродное, обжигающее жаром и холодом одновременно.

Разлившийся из ниоткуда свет ослепил.

Картина перед моими глазами вдруг резко изменилась... Крик стих.

Пошатнувшись, чувствуя, как с непривычки подкашиваются ноги, я вцепилась пальцами в края саркофага, которому недоставало лишь крышки. Сердце в груди забилося так быстро, что не хватало воздуха.

Я подняла голову и вдруг поняла, что смотрю на свое собственное тело. Оно лежало в каменном гробу, что тоже был, как и все вокруг, обклеен кровавыми печатями, — кровь на них запеклась и побавровела, почти прожигая кусочки бумаги насквозь. Знаки больше не имели силы, что-то уничтожило их.

Очередной вопль сотряс стены. Я в недоумении моргнула несколько раз, лишь теперь в полной мере осознавая, что уже на моем собственном лице сейчас кривились губы, а в холодном взгляде обычно ничего не выражающих глаз плескался страх.

Мы поменялись телами...

И я знала, что это невозможно.

— Не кричи. Не бойся, — повторила я уже вслух, удивляясь, как непривычно звучит голос — хрипло, в то же время с мягкими нотами.

Незнакомка послушно затихла.

— Я... я... Почему я... Что случилось? — в панике зашептала она, ее безумный взгляд заметался по телу, в котором она оказалась.

А мой взгляд упал на сверток из темно-коричневой кожи, лежащий в саркофаге у ее ног.

Меч. Мой Туманный...

Я нетерпеливо дернула рукой и замерла, разрываясь между желанием коснуться оружия и необходимостью поговорить с девушкой, убрать испуг из карих глаз. Мне понадобилось не больше секунды, чтобы принять правильное решение. Я подумала, что с клинком в руке доверия незнакомки будет добиться гораздо сложнее.

Я посмотрела на свое настоящее тело, облаченное в закрытое платье с воротником, на котором мерцали бусины цвета грозового неба, — белое одеяние было гораздо длиннее моего роста, так что ступни оказались обернуты подолом.

Траурный наряд. Меня собирались похоронить?

Для даэвов света белый цвет имел сакральное значение. Он соединял две стороны жизни — рождение и смерть. В светлую ткань оборачивали младенцев и облачали мертвецов. Или тех, кто находился на пороге смерти, надеясь задержать их на границе.

— Как тебя зовут? — спросила я, видя, как девушка судорожно отползает в сторону и забивается в угол саркофага. От звука моего голоса ее плечи вздрогнули. Медленно подняв на меня взгляд, она надолго замолчала.

Я была не сильна в утешении кого-то, хоть и часто занималась этим последние несколько лет. Но все это время я прибегала к своему дару, а не подбирала подходящие слова. Второй способ мне всегда давался тяжело.

— Майя, — наконец-то ответила она и продолжила, едва не плача: — Что произошло? Почему я так выгляжу?

Подняла на меня взор широко распахнутых глаз, полных надежды на то, что я хоть что-то объясню. Но если бы я могла...

— Майя, не переживай и дыши глубже, — произнесла я, раздумывая, правильный ли выбрала способ, чтобы успокоить ее. Девушка стала усиленно втягивать воздух. Ее грудная клетка стремительно поднималась и опускалась. — Медленнее... Вот так. Майя, где мы? — спросила, проведя рукой по своим волосам. Они едва достигали лопаток и оказались непривычно жесткими на ощупь.

Ее взгляд вновь заметался. Майя облизнула пересохшие губы.

А я снова осмотрелась. Из комнаты вел лишь один коридор, который изворачивался змеей, отчего дневной свет почти не достигал противоположного его конца. На полу лежал факел, и его трепещущее пламя отбрасывало на стены тени, а через крохотное отверстие в потолке в помещение попадал яркий солнечный свет.

Я совершенно не понимала, как оказалась в подобном месте. И почему на мне белое платье для похорон, а стены покрыты печатями, начертанными кровью. Светлые для этого используют чернила, кровь — прерогатива тeneвых.

— Я... я не знаю. Я собирала ягоды. Раньше здесь всегда был какой-то барьер, который не давал пройти, — продолжая глубоко дышать, отозвалась она. В ее глазах все еще плескался страх.

Мой взгляд скользнул по многочисленным выгоревшим знакам на стенах.

— А потом преграды не стало? — продолжила за нее я.

Помедлив, Майя кивнула. Она все так же сидела, съездившись в углу саркофага, подтянув к груди колени и обняв их.

Я вздохнула.

— На чьих мы территориях? Это земли светлых?

— Нет. Мы в Акраксе, отсюда до Третьего королевства очень далеко, — растерянно отозвалась Майя, поднимая длинный подол платья.

— Я оказалась так далеко от дома... — прошептала я, шагнув назад в глубину комнаты.

Память сыграла со мной злую шутку. Чем упорнее я искала ответ, тем больше находила темных пятен. Казалось, я знаю все и одновременно ничего. Кусочки воспоминаний были раскиданы в неправильной последовательности. Детство и юность оставались цельными, но с Академии Снов начинался беспорядок, в конечном итоге обрывавшийся пустотой.

Я молчала несколько минут и очнулась лишь от шороха ткани — Майя решила выбраться из саркофага. Делала она это неуклюже, подняв лишь один край длинной юбки. Ее нога зацепилась за подол, и девушка полетела вперед лицом, рискуя разбить голову о каменный пол.

Я инстинктивно кинулась к ней, совсем забыв про нетренированное тело, подобное мягкому куску мяса, что стало теперь моим прибежищем, — никаких мышц. Я схватила ее, но не удержала и сама упала, послужив ей подушкой для мягкого приземления. Перед глазами рассыпались искры.

Майя пискнула и быстро сползла с меня, в панике шепча извинения. Я вновь успокоила ее и поднялась, а девушка опасливо вжалась в угол комнаты. Она взирала на меня словно на что-то невероятное. Ненастоящее...

Но ее взгляд уже не казался таким испуганным, скорее изучающим и любопытным. Она точно не робкого десятка, раз сама вошла в место, которое раньше защищала магия. Обычно люди боялись неизвестного, считая это опасным. И мало кто бродил по лесу в

одиночку — это действительно могло стоить человеку жизни.

Я опять глянула на девушку. Каштановые волосы на свету отливали рыжиной, светлая кожа, несмотря на мое пребывание в подземелье, совсем не выглядела бледной. Скорее слегка раскрасневшейся, будто после хорошей прогулки. Губы могли похвастаться бледно-рубиновым оттенком, а в ярких карих глазах виднелись светлые вкрапления охры.

Не знаю, что случилось со мной и каким образом я оказалась в гробу, но я определенно не была похожа на мертвеца...

Моя новая знакомая была довольно непосредственной: вытянув ладонь, она рассматривала ее, сжимая и разжимая длинные худые пальцы. И пусть это тело было все еще моим, поменяв владелицу, оно стало выглядеть иначе — более живым и выразительным, отражающим эмоции хозяйки. Отсутствием которых меня часто попрекали.

Майя смутилась, заметив мой взгляд.

Я же отвернулась, сама чувствуя себя странно и неуютно. Обратив внимание на саркофаг, я недолго думая подошла к нему. Скользнула пальцами по прохладному камню, опустила руку внутрь и дотронулась до свертка на дне.

«Без сомнений, Туманный». — Я узнала его сразу, стоило коснуться эфеса клинка.

Даэвы никогда не расстаются со своим мечом надолго, во всяком случае, по собственной воле. Ведь за годы тренировок между оружием и владельцем возникает связь. И на создание новой могут понадобиться десятилетия.

Моя привязанность к этому мечу даже по меркам даэвов выходила за рамки нормального. Но так или

иначе, когда он был рядом, я чувствовала себя гораздо увереннее и сильнее.

Я улыбнулась, с любовью глядя на сверток.

— Ты сможешь вывести меня к городу? Лучше к тому, что ближе к границе, — обратилась к Майе.

— Да, смогу. Тронг. Мы рядом с ним, — пролепетала она.

— Замечательно, — кивнула я, вспоминая карту. Если память не изменяла мне, то до границы с Феросией останется чуть меньше суток пути на лошадях.

Ситуация переставала казаться такой сложной.

Обхватив рукоять оружия, я замерла, вдруг ничего не почувствовав. Сталь не отзывалась. И ощущалось в этом молчании какое-то ожидание, точно подходящий момент еще не настал.

Еще никогда мой собственный меч не казался мне столь тяжелым. Рывком перекинув его через край саркофага, я, сжимая обеими руками клинок, с трудом вытащила оружие. Конец лезвия с грохотом упал на каменный пол.

Майя вздрогнула, во все глаза наблюдая за мной.

А я не то что сражаться Туманным не смогла бы, даже нести его представлялось сложной задачей.

— Майя... Попробуй его поднять, пожалуйста, — попросила я, хотя смутно догадывалась, что это ничего не изменит. Самое главное — дух, клинок привязывается к сущности, а не к материальной оболочке.

Девушка встала на ноги, приблизилась и взяла из моих рук клинок, но не удержала, и тот снова рухнул на пол. Повторная попытка не принесла никаких результатов — она не могла оторвать его от пола даже на несколько сантиметров, только подтверждая, что вся проблема заключалась лишь во мне.

И в моей магии... Врожденный дар не отозвался, а вместо него явилось что-то чужеродное, поменявшее нас телами.

И на этом я окончательно перестала понимать случившееся.

— Может, оставить эту железку? — вдруг предложила Майя после нескольких минут молчания.

— Железку? — Меня возмутило то, как она назвала мой клинок. — Эта вещь бесценна! Никакой даэв не потерпит, чтобы так называли его оружие. Я скорее оставлю здесь свое тело, чем Туманный! — Смягчившись, я добавила: — Это его имя. Меча.

— Извини. Я не думала, что он так важен, — тихо прошептала она.

— Нет. Это я не права, не стоило мне так реагировать.

Она человек. И ничего удивительного, что ей неизвестны наши обычаи.

Покинув родной дом, я определенно слишком мало разговаривала с людьми...

Я задумчиво глянула на подол надетого на Майе платья, который приходилось приподнимать, чтобы не волочился по полу. В таком длинном наряде по лесу не походишь. Надо укоротить...

Я медленно подошла к ней, присела, сжимая в руках мягкую невесомую ткань, что не шла ни в какое сравнение с той, из которой было сшито темно-коричневое платье, теперь надетое на мне. Дешевое. Неприметное. Материя грубая и неприятная телу.

— Сделаю так, чтобы было удобнее идти, — произнесла я, прежде чем сжать пальцами подол и порвать его. Получилось не сразу — с третьей попытки. Мне понадобилось две минуты, чтобы аккуратно оборвать юбку погребального платья. Даже пальцы у этого тела были слабые.

Ткань оказалась прочной, и я собиралась ее использовать.

— У тебя есть родные? Кто-то станет тебя искать? — спросила я и лишь потом поняла, как прозвучали мои слова со стороны. Угрожающе. Будто я собираюсь ей навредить. — Поход до Тронга, скорее всего, займет время. Родители могут начать беспокоиться о тебе...

— У меня только отец. Живет в пригороде Дельтраса, — тихо проговорила Майя, назвав столицу королевства. — Но я могу отправить ему весточку в Тронге. Иногда я не успеваю добраться домой дотемна, он не будет слишком беспокоиться. Но... Но как я вернусь к нему не в своем теле? Вдруг мы навсегда...

— Нет. Этого не произойдет. Раз мы смогли поменяться, то и вернуться тоже получится, — уверила ее я. Мы переместились, когда я попыталась использовать свой дар. Этому должно было найтись объяснение. И рано или поздно я найду его.

Майя согласно кивнула. Мне оставалось лишь поблагодарить ее.

В любом случае мы не можем терять время, надо как можно скорее добраться до границы, ведь я неспроста оказалась на землях, где много веков живут теньевые даэвы.

— Как только я окажусь дома, то заплачу за все. Возмещу все неудобства, — пообещала я ей.

Связав края оторванного подола и зацепив их за руку, я повесила Туманный за спину.

Даже так идти будет тяжело, но это лучше, чем нести меч в руках...

Когда мы вышли наружу, нас ослепил солнечный свет — яркий, непривычно режущий глаза. Я с наслаждением вдохнула полной грудью, точно давно не имела такой возможности. Ветерок обдувал лицо, неся с со-

бой ароматы леса, звучало мелодичное пение птиц, а пушистые высокие ели выстроились плотным рядом, обступая поляну со склепом и скрывая ее от посторонних взглядов.

Меня спрятали... Даже защитили печатями. И сделал это темный.

Но даже если так, очень странно, что меня все же не отыскиали. Брат бы не оставил моих поисков. Это на него не похоже. Даже в первый год, когда мы только встретились, у него была удивительная способность находить меня повсюду.

Неподалеку от склепа на земле лежала плетеная корзинка, накрытая некогда белоснежной тканой салфеткой, которую теперь усеивали темно-фиолетовые пятнышки. Заметив, куда направлен мой взгляд, Майя подхватила свою ношу.

— И как ты только решилась зайти сюда одна? — покачала я головой и, немного подумав, коснулась рукою лица. На пальцах остались следы белил, что обильно покрывали кожу. — Какое сегодня число?

— Второй день девятого месяца.

— А год? — рассеянно спросила, понимая, что совсем не помню лета. Лишь весну своего последнего семестра в Академии Снов. И даже в этих воспоминаниях я была не уверена — они казались слишком размытыми.

Я вновь осмотрела маленькую поляну, на которой прятался склеп. Почва под ногами была мягкой, а растительность все еще имела насыщенный цвет.

— Тысяча двести пятидесятый год после появления Первого раскола, — раздалось позади.

— Что? — прошептала я, будто примерзая к земле. В голове всколыхнулись сотни вопросов и сомнений. Хранимое в душе спокойствие исчезло. — Ты уверена?

Мои руки задрожали. Я обернулась, а Майя быстро закивала.

Как такое возможно?

Я не могла поверить, что с моего последнего воспоминания прошло столько лет. Ведь если верить ее словам, то минуло больше четверти века.

Пламя плясало в воздухе. Искры слетали с горящих веток, уносясь вверх. До Тронга оставалось еще полдня пути, поэтому мы остановились на ночлег. Бродить по лесу ночью было еще опаснее, чем днем, и я даже не представляла, как Майе хватало смелости делать это прежде.

Я еще помнила времена, когда ревенанты просыпались по ночам и пожирали всех живых, до кого успевали добраться. Не в своем теле и без клинка мне тяжело будет справиться даже с одним из них.

Майя пыталась меня убедить, что в королевстве, издавна облюбованном даэвами, тени, порождения Серого мира почти не встречались. Здешние ордены сразу разбирались со всеми тварями. Но этот довод звучал слабо и неправдоподобно.

— Второй раскол находится слишком далеко отсюда, — беспечно заявила девушка, пока мы шли по лесу.

— Подожди, второй раскол? — Сердце подпрыгнуло в груди, а по позвоночнику прошел холодок. — Здесь, на материке, я правильно тебя поняла?

Майя кивнула. Освоившись и перестав меня бояться, она стала крайне разговорчивой.

— Он открылся... — Она задумалась, возводя взгляд к небу. — Кажется, двадцать семь лет назад. Да, точно, двадцать семь. Отец говорил недавно, что до круглой даты осталось три года. Как ты могла о нем не слышать? Об этом все знают.

— Так вышло, что в мое время он еще не появился, — сказала я без задней мысли, даже не рассчитывая, что моя собеседница поймет, что именно я имела в виду.

Но она остановилась, заставляя меня тоже замедлить шаг, и посмотрела мне в лицо, а потом ее глаза стремительно расширились.

— Ты ведь не просто не помнишь об этом? — Она прикрыла рот ладонью, замолчав на несколько секунд. — Но... как? Как?! Неужели все это время ты... ты...

— Спала? Возможно.

— Тогда тебе... Сколько тебе тогда лет?!

Прошло уже несколько часов, как мы отошли от склепа с саркофагом, и я успела все тщательно обдумать.

— Если ты назвала мне правильную дату, то сорок девять. В следующем году должно исполниться пятьдесят, — произнесла я спокойно, будто сообщая сущую мелочь. Но на самом деле как бы я ни пыталась, привыкнуть к своему возрасту мне пока не удавалось. Если моя жизнь на эти годы просто остановилась, то для других она шла своим чередом, и мне пока что было совершенно непонятно, как к этому относиться. Я была растеряна, но в то же время не позволяла себе более основательно задуматься над своими чувствами и эмоциями, напрочь их игнорируя.

Для начала мне надо хотя бы вернуться домой...

Я сжала в руке веточки лаванды. Нам повезло наткнуться на небольшое поле, где я собрала себе маленький букет. Подобные посевы встречались часто — люди заготавливали цветы на зиму.

— Ничего себе, — прошептала Майя позади меня. — А она хорошо сохранилась.

— Я все слышу, — оглянулась я.

— Ой, извини! — вскрикнула она, догоняя меня.

Тяжело выдохнув, я подняла взгляд к спокойному небу, по которому плыли неплотные невесомые облака. Все же, как могло пройти столько времени? Неужели все, кого я когда-то знала, постарели? Даэвы живут чуть дольше людей, но даже для нас четверть века — это немалый срок.

А еще эти печати на стенах... Я никак не могла выкинуть их из головы. Все знаки одновременно лишились силы, и это означало, что либо их магию кто-то уничтожил, либо начертавший их даэв уже мертв.

— Сара?

— Да?

— Почему у тебя нет звезд? — Девушка оттянула ворот платья и рассматривала ключицы на моем теле. Любопытство на ее лице сменилось разочарованием.

«Она очень молодая. Наверное, едва восемнадцать исполнилось», — вспомнила я ее облик, который теперь стал моим.

Хотя я сама была ненамного старше ее, если забыть про многолетний сон. Но у даэвов такая жизнь — мы гораздо раньше познаем опасности этого мира.

— Разве у вашего народа нет звезд на коже? — продолжила Майя.

— Их наносят. И они не вечны. Мастер использует сок морозия, но он постепенно исчезает. Обычно его хватает на десять-пятнадцать лет. Мои просто уже стерлись.

— А сколько их было?

Я некоторое время молчала. Академия Снов славила образованием, которое давала, поэтому даэвы света и тени даже жили мирно под одной крышей ради этих знаний. Каждый студент заслуживал свои звезды кровью, потом и усердием. В этом месте понимаешь,

как важно, чтобы предки с лихвой одарили тебя талантом. Старались и занимались все, а вот выделялись и достигали успеха немногие.

— Кажется, пять. По крайней мере, в последнем моем воспоминании их было столько, — бесцветно произнесла я.

Говорить расхотелось, и я молча прибавила шагу.

Теперь, когда умиротворяющие языки пламени плясали, освещая небольшую опушку, я поняла, что успокоилась и сумела прогнать растерянность, для которой просто не оставалось места.

То и дело аккуратно подкидывая в костер веточки лаванды, я подумала, что неплохо было бы начертать на деревьях печати. Обычно я так не поступала, для этого использовали специальную бумагу, ведь со временем все символы прожигали материал, на который были нанесены. Другими словами, знаки на деревьях, даже когда потеряют силу, останутся на их стволах навсегда подобно глубоким шрамам.

Это плохо. Неоправданный вред.

Но иначе мы станем легкой добычей.

— Знаешь, Сара, я только сейчас подумала... — начала Майя, подходя ко мне.

Я же обратила внимание на свои волосы — они, кажется, отросли.

Выглядели они точно длиннее, чем мне помнилось.

— Что? — отозвалась я, ворочая веткой угли.

— Ты не должна мне никаких денег. Если я расскажу отцу, что помогла даэву, он будет безумно рад. — Она села на корточки, положив руки на ноги, и мечтательно глянула на огонь.

— Почему?

— Что?

— Почему будет безумно рад? — Я склонила голову.
Девушка на мгновение растерялась.

— Так ты же даэв. Страж, что охраняет мир от нечисти.

— И?

— Ну, вы же спасаете нас от темной силы, что испускает портал. Благодаря вам мы можем жить спокойнее.

Странно. В мое время так не рассуждали. Скорее к нашей работе относились как к должному, порой даже обвиняли, когда мы не успевали кого-нибудь спасти, и одновременно с этим боялись, стремясь держаться от нас подальше. И при всей своей настороженности завидовали долгой жизни и красоте.

Будучи так похожими на людей, наш народ в корне от них отличался. Ведь в нашей крови присутствовала магия — светлая или темная, дающая скорость, выносливость и возможность колдовать, используя печати. Но и эту силу надо было развивать и изучать древние знаки, чтобы творить магию. Поэтому обучение обычно начиналось с малых лет, в ордене нам давали основу, а в Академии Снов мы углубляли знания и получали первый опыт сражения с нечистью.

Наломав веток, мы устелили ими землю, а сверху присыпали их травой. В корзине Майи отыскался маленький ножик — лезвие не длиннее указательного пальца, со следами земли на металле.

Пройдясь около костра, я взглядом прикинула размер круга — нельзя, чтобы он получился слишком большим, иначе защита выйдет слабее и сила печатей расфокусируется по большему участку.

Подойдя к первому дереву и поудобнее перехватив ручку ножа, я стала вырезать первую печать.

«Кольцо света» — универсальная связка знаков, не пропускающих через границу никаких проявлений те-

невой силы. Она останавливала даже даэвов тени, но ненадолго — пока кто-то из них не использовал противодействующую печать.

— Ничего себе, он мерцает! — воскликнула Майя, глядя на вырезанный символ словно на чудо.

Я же встряхивала ладонь, на внутренней стороне которой остались красные следы от рукоятки ножа. Мне предстояло вырезать еще семь печатей, и если к тому моменту я все еще буду чувствовать свою руку, то очень удивлюсь. Наши тела при постоянных тренировках становились гораздо сильнее человеческих. Как говорил Фредерик, у нас огромный потенциал, который мы развиваем. Если же последнего не делать, то нас и от людей будет практически не отличить. Но теперь я лишилась своих сил и успела позабыть, каково это — быть слабой.

Оказывается, это очень неудобно.

— Да, мерцает, — согласилась я.

Только вот от него должно исходить ровное непрерывное сияние...

— Майя, ты знаешь теневого ордена, на территории которого мы находимся? — корпя уже над пятой печатью, спросила я.

Королевство Акракс всегда имело тесные связи с теневыми даэвами, поэтому и самые крупные ордены расположились на этих землях. Светлые сюда не сошлись. Лишь по особому случаю. Единственным исключением оставались приграничные города, в которые порой забредали подобные мне. Как раз таким и являлся Тронг.

Если мне повезет, я встречу там кого-нибудь из своих, а уже потом, используя имя своей семьи, преодолею срединное королевство и попаду в Исонию — пристанище светлых.

На первый взгляд все выглядело довольно просто. Главное, чтобы и на практике так оказалось.

— Да, конечно, — отозвалась Майя. Она уже некоторое время сидела на подстилке, подтянув к себе ноги в белых тканевых тапочках, подошва которых была крайне тонкой, совсем не предназначенной не то что для путешествий по лесу, а и для ходьбы вовсе.

Надо будет оторвать еще немного ткани и обвязать ею ноги.

— Северный, у них форт рядом со столицей.

— Северный? — Рука сорвалась, и я прочертила на коре лишнюю линию, а боковую сторону ладони обожгло.

— Ага. Слышала о них?

— Да, — скупо ответила я, решив много не болтать. Чем меньше Майя будет знать, тем лучше.

«Северный...» — повторила я про себя. Название давно противоречило сути, ведь этот орден уже больше полувека как перебрался на юг, и похоже, его влияние лишь возросло.

Завершив работу над печатями, я с удовлетворением увидела, как разрастается купол магии, слегка искажавший лес за ним. Когда же все завершилось, деревья снова стали выглядеть как прежде, и ничего, кроме символов на коре, не свидетельствовало о колдовстве.

Теперь мы могли ложиться спать.

Я опустила на лежанку, посмотрела на звездное небо, что проглядывало сквозь пушистые толстые ветки. Чужое сердце в груди билось часто.

«Мне кажется, мое собственное никогда не стучало столь быстро...» — подумала я и удивилась своим мыслям.

За весь день у меня не было времени, чтобы поразмышлять о чувстве потерянности, засевшем глубоко внутри. Неизвестность не пугала, но беспокоила.

И на подсознательном уровне я понимала: что-то во мне поменялось. Смирение, добродетельность и справедливость — три столпа, которые являлись сутью светлых даэвов. Все годы обучения в ордене и потом в Академии Снов нам без конца твердили о них, побуждая следовать этим основам, под конец я и помыслить не могла о том, чтобы когда-то поступить вразрез с ними.

Но теперь я в остатках своих воспоминаний казалась самой себе чужой.

Прогнав бесполезные мысли из головы, я прикрыла глаза. Завтра предстоял еще один день пути. Необходимо набраться сил.

Сначала я открыла глаза, чувствуя сухость во рту и горечь. А спустя мгновение в нескольких метрах от места нашего ночлега хрустнула ветка. Я еще несколько секунд невидяще смотрела вверх и лишь потом, зевая, перевернулась, уперев напряженный взгляд в умиротворенное лицо Майи.

Моя ладонь аккуратно скользнула в сторону, безошибочно находя припрятанный у настила ножик.

Нас потревожили люди. Ни одно создание темной силы не подкрадывается к своей добыче настолько бесшумно. Голод и инстинкт подчиняют себе даже порождения с зачатками разума.

Я сжала рукоятку ножа и уже в который раз пожалела, что Туманный стал для меня бесполезен и просто лежал рядом, завернутый в кожу. Готовясь ко сну, я всегда оставляла меч у кровати. В обители или в Академии — не имело значения. Это была даже не привычка, а нечто большее. Потребность, без которой я не могла жить.

Шаги слышались явственнее — кто бы это ни был, они больше не считали нужным скрываться.

Мое дыхание стало медленным, время словно растянулось на мгновения, и мне осталось лишь застыть в ожидании подходящего.

— Туз, у нас здесь подарки, — уже совсем не таясь проговорил мужской голос — хриплый, прокуренный, навскидку принадлежащий какому-то здоровяку.

— Еще какие.

— Поделитесь.

В этот миг Майя открыла глаза, и я словно испытала дежавю. Девушка мгновенно приподнялась, со страхом взирая на людей, вышедших из леса за моей спиной, и вдруг закричала, сразу беря высокую ноту.

Ее голос стал срываться на хрип.

— Заткните ее кто-нибудь!

— Надо просто чем-то занять ее прекрасный ротик. — Слова вызвали отвращение и не оставляли сомнений — его душа давно была запятнана грехами.

Легкая добыча для энергии Серого мира. Костяшки пальцев на моей руке побелели.

— Только зубы выбей, а то откусит, — хохотнул один из незнакомцев.

Майя задрожала. В лунном свете мое настоящее лицо выглядело крайне бледным, будто принадлежало мертвецу.

Один из разбойников подошел так близко, что его нога оказалась неподалеку от моей головы.

Маленькое лезвие взметнулось в темноте, вонзившись в сапог, прорезая кожу как масло и проникая в плоть. Следующий удар, нанесенный в тот же момент, когда мужик вскрикнул, пришелся в лодыжку. Он рухнул, завалившись назад.

Провернув лезвие, я вытащила кинжал, отскакивая от мерзавца. Еще немного, и кровь бы залила пальцы.

Пусть тело было слабым, но мышечная память и развитая интуиция не исчезли.

Минус один.

Я встревоженно оглянулась.

Осталось трое. И еще один, с сальными от грязи волосами и загорелым лицом, застыл у края барьера, шаря по нему руками с крайне озадаченным видом — преступлений и тьмы в нем оказалось достаточно, чтобы печати не пропустили его внутрь.

Один из мужчин, бородатый, одетый во все черное, ухмыльнулся и двинулся навстречу, выбрасывая руку, сжатую в кулак. Я же, поднырнув под ней, ушла вбок. Мой ножик вскользь прошелся по рукаву его дублета, но короткое лезвие лишь попортило ткань. Вместо этого я вытащила кинжал из чужих ножен.

Мне хватило взгляда, чтобы понять: длинное искривленное лезвие затуплено. Это далеко не Туманный. Хотя и без того ни одно обычное оружие не смело сравниться с мечами даэвов, выплавленными из руды ограждающих скал.

Новым оружием я не подрезала, а скорее разорвала сухожилия на ногах разбойника, и тот рухнул на землю.

Краем глаза я заметила, как Майя вытащила что-то из корзинки и бросила в одного из незнакомцев. Раздалась новая порция ругательств — отборных, витиеватых. Если бы я в свое время не жила в человеческой деревне, то, возможно, запомнила бы для себя пару новых словечек. Даэвы, даже теневые, ругаются мало, по крайней мере не строят из ругательств целые словесные конструкции.

«Перцовый порошок», — мгновенно догадалась я.

— Погоди, остановись! — Незнакомец у границы печатей примирительно поднял руки. — Мы осознали свою ошибку. Давай разойдемся мирно.

Его улыбка показалась мне ядовитой, хитрой. Я ни на миг не поверила ему. Но в то же время у меня не было уверенности, что я справлюсь со всеми.

Я выжала из этого тела максимум, и легкое головокружение лишь подтверждало, что долго оно не выдержит.

— Хорошо. Разойдемся, — ответила, не выпуская из руки чужой кинжал. Майя подкралась ко мне и теперь стояла, прижавшись к моей спине и содрогаясь мелкой дрожью. — Но без шуток.

Поначалу разбойник улыбнулся. Но затем его улыбка сползла с лица, и он добавил:

— Да, конечно. Мы не хотим привлекать ничье внимание.

Я наблюдала, как один за другим мужчины выползли за пределы охранного круга.

«Они думали, что мы — легкая добыча. Поэтому напали», — осознала я, провожая разбойников взглядом, пока их спины не исчезли среди деревьев.

Как только они пропали из виду, я медленно сползла на землю, поддерживаемая Майей.

— Что с тобой? Что такое? — заволновалась она.

— Немного устала. Сейчас пройдет.

Конечности ныли, кажется, я потянула запястье. Головой я знала, что смогу справиться с этими разбойниками. Даже выборочная потеря воспоминаний не могла вытравить все знания и долгие годы тренировок. Но мне понадобилось убедить в этом чужое тело, и теперь оно запоздало говорило мне «Нет».

— Подожди, у меня есть кое-что из трав. — Майя на некоторое время пропала, кинувшись к своей корзинке, а я через силу следила, как она копается в ней с тихим шорохом.

Потом вернулась и сунула мне несколько листьев, требуя их пожевать.

— Взбодрись. Они горькие, но зато сознание не потеряешь. Где-то болит?

— Да. Кажется, запястье, — поморщилась я и, лишь чуть задрав рукав, увидела, как оно опухло.

От трав во рту вязало. По языку распространился горьковатый привкус.

Майя пережевывала другую порцию листьев.

— Ты говорила, ночью ходить относительно безопасно? Но как тогда мы наткнулись на этих людей? — нерадостно спросила я, добавляя: — По крайней мере, у одного из них руки точно запачканы кровью. В любой другой ситуации я должна была схватить их и передать...

Плюх.

Я замолчала. Майя, смотревшая на меня с видом внимательного слушателя, размазывала по моему запястью пережеванную ею массу.

— Кому передать? Паладину?

— Неважно, — пробормотала я.

Запястье пульсировало, но боль в нем действительно успокаивалась.

— Так почему они были здесь?

— Я... Не знаю. Правда. — Майя немного отползла от меня. — Возможно, бежали подальше от портала. Говорят, на юге в третьем королевстве попадаете все больше переродившихся. Но это естественно, там же раскол.

Значит, они выбрали меньшее из двух зол. Лучше скрываться от даэвов тени и паладинов короны, они хотя бы материальны и, наверное... менее пугающие, чем перспектива стать перерожденцем.

Уму непостижимо. Я до сих пор не верила, что на материке правда появился портал в Серый мир. Если бы кто-нибудь рассказал мне об этом двадцать семь лет назад, я бы посчитала все его слова бредом, и неважно, человек бы это был или даэв.

В Сером мире правит темная магия, там нет света, да и жизни как таковой нет. Лишь магия тьмы, кормящаяся нашими грезами, страхами, кошмарами и преступлениями. Но проблемы начинаются в момент, когда эта энергия попадает в наш мир. Она проникает во все живое, искажая и изменяя его. По причине того, что чувства и эмоции людей сильны, а в их крови нет врожденной магии, чаще всего именно они бывают жертвами этой энергии. Они становятся перерожденцами, ревенантами — живыми мертвецами, что жаждут крови. Иногда обращенных людей еще можно спасти, но далеко не всегда.

Поэтому портал на материке, да еще и на территории светлых орденов, — бедствие. Но, судя по рассказам Майи, все вокруг привыкли с ним жить. И в моей голове это никак не укладывалось. Мне казалось, спокойная жизнь в таких обстоятельствах просто невозможна.

Второе, чего я совершенно не понимала: даже зная, что грехи погружают душу во тьму, делая ее гораздо уязвимее для сил Серого мира и, что еще ужаснее, делая изменения в случае перерождения необратимыми, некоторые все равно шли по кривой дорожке.

Глупцы, выносящие приговор сами себе.

— Нам пора, — сказала я, поднимаясь. Благодаря стараниям Майи мне действительно стало гораздо лучше. — Не стоит здесь оставаться, они могут вернуться.

На небе уже давно брезжили первые лучи солнца, а среди темных стволов деревьев, словно кутая мелкие кустарники в одеяло, расползся туман.

Похолодало.

Руки замерзли настолько, что было тяжело сжимать пальцы.

— И извини, Майя, что тебе приходится через все это проходить, — проговорила я, понимая, что за последние сутки девушка пережила слишком многое.

— Да нет, ничего, — умудряясь испытывать в подобной ситуации смущение, отозвалась она.

Ее волосы разметались, и в них застряли мелкие листики. Со стороны она была похожа на лесную нимфу. Мое лицо с ее сущностью выглядело куда мягче и невиннее, чем когда я являлась его владелицей.

— Не «ничего». Я запомню это. И отплату за твою помощь. Деньгами или, если ты того захочешь, услугой.

— Услугой? — ошарашенно переспросила Майя. Судя по ее виду, она знала, что я предлагаю. Помощь в будущем. Невыплаченный долг.

— Да. Поэтому подумай об этом. — Я остановилась у своего меча, со смешанными чувствами глядя на сверток.

Туманный — часть меня. Но теперь он меня не принимал, вызывая какую-то детскую обиду.

Я подняла оружие, вновь повесив его себе на спину.

Какой же тяжелый...

— Пора. — Я сделала первый шаг. — И да, Майя, теперь расскажи мне все, что знаешь о появлении второго раскола...

II

СТОЛКНОВЕНИЕ С НАСТОЯЩИМ

*Дазвам дарованы четыре вида
внутренней магии: сила воплощений и
исхода – для темной стороны и сила
чувств и сновидений – для светлой.*

*Каждый даэв рождается с одной
из четырех сил. Но способности к
управлению даром, как правило, у всех
различны.*

«Энциклопедия 1 уровня».
Библиотека Академии Снов

Мои ладони оказались непривычно мягкими, ни намека на загрубевшие мозоли, от которых не спасали никакие мази травников. Я свыклась с ними и давно перестала обращать внимание, но теперь, сжимая руки, принадлежавшие Майе, не могла себе отказать в удовольствии потрогать нежную кожу. Будто я и не упражнялась с Туманным ежедневно на протяжении многих лет.

Мы совсем недавно вышли за пределы леса и забрались на холм, чтобы отыскать главный тракт, ведущий к городу.

— Щекотно. — Майя дернулась и тихо засмеялась, поведя плечами.

Я сосредоточенно кивнула, перемещая свои пальцы с ее ладоней к запястьям.

Помня, что мы поменялись, когда девушка держалась за меня, я все же пришла к выводу, что, возможно, это произошло по моей вине. Хотя каким именно образом, пока даже не предполагала. За все годы жизни я ни разу не слышала о магии, способной обменять тела.

Колдовство имело четкие границы — четыре врожденных дара. У каждого даэва была предрасположенность к одному из них. У светлых — силы чувств и сновидений, их обладателей называли эмпатами и сомниумами, а у темных, мортемов и скардов — дар воплощений и дар исхода...

Но теперь, вновь пробуя внушить Майе спокойствие, я почувствовала пустоту и где-то в глубине — едва отзывающийся холод. Чего-то недоставало, будто я сосуд, наполненный лишь на треть.

— Сара, ты молчишь уже несколько часов. Ты что-то вспомнила? — заглядывая мне в лицо, спросила девушка. — Когда я рассказывала тебе о расколе.

— Я... Мне просто надо время, чтобы осмыслить это, — призналась я, пытаюсь отделить охватившие меня грусть, скорбь и недоверие друг от друга. Я привыкла препарировать свои эмоции. Порой, чтобы унять чужое горе, приходилось просто забирать его себе.

Уныние, горе, страх, гнев, зависть — я задохнулась бы, если бы не могла с ними справляться. И это неумолимо повлияло на мое поведение. Я редко улыбалась, смеялась и плакала. Моя сила иссушала мои собственные эмоции.

Хотя, по правде говоря, мало кто из подобных мне был способен на такое глубокое влияние.

Майя выжидательно смотрела на меня, и я неожиданно для самой себя поделилась своими мыслями:

— Я не понимаю, почему даэвы вдруг восстали друг против друга. Это неправильно.

Наверняка людская молва за двадцать семь лет исказила случившееся, но сомневаюсь, что стычка между дазвами тени и света была выдуманной, как и слова о многочисленных жертвах с обеих сторон.

С того момента прошло много лет, и между ними вновь воцарилось перемирие. И временно опустевшая Академия Снов успела выпустить не менее пары сотен студентов. Внушительное число, ведь на поток поступало всегда не больше тридцати учеников, а иной раз и того меньше.

Поэтому я не сомневалась, что знала лично по крайней мере нескольких из тех, кто погиб в тот злополучный день.

Об этом я и рассказала Майе. Она долго молчала, прежде чем спросить:

— И Люция Морана тоже знала? Дива, что создал раскол.

В памяти всплыло лицо: белая кожа, высокие скулы, серые, будто дым костра, глаза, которые становились темнее, когда парень колдовал, и короткие белые, точно свежевыпавший снег, волосы. Иной раз казалось, что орден, основанный его предками, назван Северным именно по этой причине.

Вся внешность Люция Морана состояла из контрастов, как и его характер, — будто хорошего и плохого в нем ровно половина к половине. Порой он был слишком беспечным, непредсказуемым и наглым, доставляя проблемы. А порой вызывал доверие и уважение, которые я испытывала далеко не ко всем. И, к сожалению, первого было гораздо больше.

— Да. Сталкивались, — призналась я.

Вдруг лес позади нас словно содрогнулся. Вдалеке над верхушками деревьев поднялась стая черных птиц. Они кружили, закручиваясь в огромную воронку, что

расширялась кверху и постепенно растворялась, когда темные силуэты разлетались в стороны.

Нахмурившись, я задумчиво поглядела на небо.

— Поспешим. — Я отпустила руки Майи и направилась к главному тракту.

Тронг окружало высокое, выстроенное из серого кирпича ограждение. Резные деревянные ворота, возле которых крутились стражники, были распахнуты.

Вокруг города росла лаванда, простиравшаяся на много миль от поселения. Ее аромат делал людей невидимыми для порождений тьмы и темной энергии. Со всем скоро ее соберут, чтобы жечь по ночам в домах. Самое опасное время наступало весной, когда запас цветов подходил к концу и любая веточка стоила дорого — настолько, что не каждый мог себе ее позволить.

Внутри города кипела жизнь, даже издалека я видела прогуливавшихся по улице людей.

Дорога прорезала город насквозь, чтобы путники, направляющиеся к границе, могли войти, пополнить запасы и покинуть Тронг с обратной стороны, где вновь начинался лес.

— Зайдем сначала к ювелиру, — предупредила я Майю.

Еще вчера я сняла бусины с воротника платья, которое теперь она носила. Если я не ошиблась, то их сделали из драгоценных камней. Сапфиры. Они стоили баснословно дорого. Я даже сомневалась, что местный мастер предложит мне за них подходящую сумму — скорее всего, таких денег у него не будет.

Мы отыскиали ювелира без труда — прямо от ворот к его лавке заботливо вели указатели. Городок был небольшой, поэтому все основные заведения располагались вдоль главной дороги: постоянные дворы, винные

лавки и магазины ремесленников, которые изготавливали все, от одежды до оружия.

Майя отставала, засматриваясь на вывески, и под конец, когда к ней привязался парнишка, пытаясь познакомиться, мне пришлось вмешаться — избавиться от него и увести за руку ее.

У ювелира мы пробыли недолго.

Лавка пустовала, в воздухе витали пылинки, взметнувшиеся к потолку, стоило нам пройти сквозь узкую, но высокую дверь. Хозяин сидел за стойкой, склонив голову и рассматривая что-то в руках. Бросив на нас мимолетный взгляд, он вернулся к своему занятию, лишь глухо буркнув:

— Слушаю.

— Сколько дадите за это? — Из ладони на стойку скатилась пара бусин.

Мужчина со вздохом поднялся, внимательнее взглянув на мой товар.

Его лицо не изменилось, но вот рука дрогнула. Он потянулся к своему окуляру, лежавшему на внутренней стороне стойки у кучки золотых монет. Не затертых, а свежеотлитых монет с отчеканенным на их поверхности маленьким солнцем с расходящимися в стороны лучами.

— К вам недавно заходили даэвы света? — спросила я.

У всех трех королевств была своя валюта, и обычно, чтобы не мучиться с обменом, богатые ордены, отправляясь за пределы Исонии, брали с собой драгоценный металл.

Хозяин нахмурился, накрывая горстку монет салфеткой.

— Их слуги.

Слуги? С каких пор у нас появились слуги?

Нет, в главной обители всегда имелись те, кто за всем приглядывал. Но их никогда не называли так. И никогда никого из них не брали в дальние путешествия. Мы не аристократы при короле и не зазнавшиеся торговцы, купающиеся в своем богатстве.

Это против сложившихся порядков.

— Так сколько дадите? — перешла я к делу.

— Сколько у вас таких? — невзначай поинтересовался мужчина, поднося к окуляру одну из бусин.

Я запустила руку в карман, доставая еще несколько. Количество произвело на него впечатление.

Из-за горящей свечки, что стояла на краю его стола, в бусинах словно поселилось пламя — искрящееся, загадочное.

— За все... — Взгляд хозяина скользнул по нашей с Майей одежде. На девушке его внимание задержалось гораздо дольше. Единственное, что я сумела сделать, — это оттереть со своего лица немного уже посеревших белил. Наверное, поэтому люди шарахались от меня даже на улице, а стражник у ворот долго думал, прежде чем пропустить в город. — Тридцать медяков.

— Не пойдет, — покачала я головой. — Мне предлагали больше.

— Где? — резко спросил он, вперив в меня острый взгляд. Теперь я не сомневалась, что он собрался нас облапошить.

— Разве это важно? Я не хочу создавать никому проблем. У вас городок маленький. Лучше просто вернусь и заключу более выгодную для себя сделку. — Невозможно повернувшись спиной, я направилась к выходу.

— Подождите! Один серебряный!

— Десять, и вы мне рассказываете о даэвах, что продали вам золотые монеты, — сказала я с сомнением, останавливаясь.

— Десять?! Вы с ума сошли, девушка?!

Я задумалась.

— Хорошо, восемь. Но не меньше.

— Ладно, — сокрушенно сдался мужчина. — Но вы же их не украли?

— Нет, что вы. — Я посмотрела на Майю, которая сидела на табурете у окна. — Сняли с платья моей подруги. Не беспокойтесь.

— Это ведь много? — рассеянно поинтересовалась я, не оборачиваясь и пересчитывая монеты.

Майя стояла рядом, нетерпеливо перекатываясь с пятки на носок и обратно.

— Конечно! Мой отец зарабатывает такую сумму лишь за пару месяцев.

— Это хорошо, — кивнула я. — Хватит на первое время. Если что-то пойдет не так, обменяем еще немного бусин в Феросии.

Торгуюсь с ювелиром, я действовала вслепую. За всю свою не слишком длинную сознательную жизнь я не бывала на землях Акракса. Лишь читала о нем, слышала по рассказам учителей и...

На мгновение в голове воцарилась пустота, а потом я вдруг вспомнила...

Люций Моран. Он рассказывал мне о своей родине. Я помнила даже ту ослепительную улыбку, что тогда озарила его лицо.

Теперь, по рассказам Майи, на землях светлых его называли Проклятым Черным Змеем. После стольких преступлений это прозвище казалось даже излишне мягким. Почтительным. Его определенно боялись.

Но почему Черный Змей? Я невольно вспомнила, что змеи всегда ассоциировались с богом тьмы Фародеем.

Простые люди, должно быть, слагали сказки о злодеяниях Морана — жуткие, какие любят слушать и рассказывать только они, истории хуже кошмаров, с морем крови и жертв. Так, чтобы напугать и не оставить сомнений: излишней осторожности не бывает.

Им всегда оставалось лишь сочинять эти рассказы.

Ювелир почти ничего не знал о даэвах, остановившихся в Тронге, кроме того, что они были светлыми и уже завтра намеревались отправиться в срединное королевство.

Мы могли не спешить. Именно поэтому я потратила несколько часов, чтобы купить нам обеим новую одежду, сходить в почтовую лавку, где Майя отправила послание отцу, а потом снять комнату на ближайшем постоялом дворе.

Развернув сверток из темной кожи на узкой постели с тонким матрасом, я пыталась понять, что произошло с Туманным.

Сталь блестела, и хватало одного взгляда, чтобы понять: он не затупился. Но некогда белоснежный металл с легким голубым отливом посерел, будто его одолела тяжелая болезнь. Темное серебро, нечто среднее между клинками светлых и темных.

Я сглотнула. Мне было жаль сталь.

Что с тобой случилось за все эти годы?

— Сара. — Майя, завернувшаяся в халат, вышла из соседней комнаты, где стояла бадья с водой. — Вот. Он висел у тебя на шее.

Я сощурилась, рассматривая медальон, цепочка которого оказалась зажата в ее пальцах. Кулон в форме полумесяца гипнотически покачивался из стороны в сторону, выглядя слишком миниатюрным по сравнению с темными звеньями цепочки, удерживающими его. Что

неудивительно, ведь ни то ни другое изначально не предназначалось друг для друга.

— Хорошо. Пусть пока остается у тебя, — произнесла я, решив, что не имеет смысла сейчас забирать его обратно.

Это украшение было одной из двух вещей, что оставалось от моей настоящей, не приемной семьи. И тот, кто поместил меня в склеп, знал о его ценности, как и о важности меча, который всегда лежал у моей кровати, когда я спала.

Будто, оставив рядом со мной Туманный, мне пожелали приятных снов. Но вся загвоздка заключалась в том, что и о моей одержимой привязанности к оружию, и о важности кулона знали лишь давно умершая бабушка и мой брат Фредерик.

Мы покинули постоянный дом, когда уже начало смеркаться. День неминуемо угасал, и на фоне кораллового заката над городом кружило с десятков темных точек. Птицы летали высоко над домами, будто боясь опуститься ниже.

— Что бы ни случилось, всегда держись ближе ко мне. Если нас попытаются разделить, требуй, чтобы я была рядом, — предупредила я Майю, поправляя кожаный ремень. Спина уже давно ныла от постоянной ноши, как и плечо, на котором успел появиться синяк. Девушка почти на голову уступала мне в росте, поэтому меч нести было очень тяжело. И даже купленные у мастера дешевые заплечные ножны для переноски обычных клинков не помогали.

— Поняла. Нас могут разделить? — спросила Майя, теребя капюшон. Я намеренно раздобыла ей плащ, чтобы скрыть лицо.

— Я не знаю, что произошло за эту четверть века. Поэтому говорю на всякий случай, — отозвалась я, заставив себя промолчать о многом другом.

Возможно, мое имя ничем мне не поможет. И тогда наше путешествие продолжится. Мне понадобится найти самого главного, того, кто вникнет в ситуацию. Сейчас я представлялась себе целым букетом из необъяснимого, невозможного и противоестественного.

Провал в памяти на много лет — внешне я никак не изменилась, поэтому все указывало на то, что я их действительно «проспала». Меч, связь с которым я не могла восстановить. Врожденная способность к силе чувств, которая покинула меня, сменившись чем-то чужеродным. Лишь иногда я, кажется, стала улавливать эмоции Майи. Но скорее всего, это происходило из-за тела, которое теперь занимала девушка.

Придется быть крайне убедительной, чтобы меня стали слушать.

Мы с Майей прошли город насквозь, дойдя до богатого постоянного двора с каменными колоннами у входа и кадками цветущей розовой лаванды, висевшими под длинными арочными окнами.

Над нашими головами, словно провожая, в небе кругами летали птицы.

Стоило подняться на ступеньку, как мне преградил путь мужчина в темно-синих одеждах.

— Все комнаты выкуплены до завтра. Поищите другое место.

— Кем выкуплены? — Я остановилась.

— Извините, но я не могу вам ответить. Уходите. — Он спустился на ступеньку ниже и настойчиво повторил: — Уходите.

Не оставалось сомнений: если понадобится, незнакомец применит силу.

Обычный человек, я бы справилась с ним даже теперь. Но пустая драка была ни к чему.

— Что происходит? — раздался звучный мужской голос.

Я обернулась, едва не столкнувшись лицом к лицу с дивом в светло-голубом одеянии с широкими рукавами. Ткань украшала неброская вышивка. Мантия была создана таким образом, чтобы в момент опасности скинуть ее и остаться в одежде, не стесняющей движения.

От него пахло лавандой, словно не хватало того, что это растение росло здесь повсюду. Я жадно вгляделась в лицо подошедшего: прямой нос, острый подбородок, тонкие губы, темный взгляд, что мазнул по мне и вновь переключился на моего недавнего собеседника.

Меч даэва висел на поясе, как и у двух его провожатых, стоявших позади. Майя отошла в сторону, чтобы пропустить их.

— Господин Сезар, извините за беспокойство. Они уже уходят. — Человек склонился в глубоком поклоне.

— Сезар? — вымолвила я, взметнув взгляд к даэву.

Он сразу показался мне знакомым. Но ничего удивительного, что я не узнала мальчишку, которого видела в последний раз, когда ему было лишь одиннадцать.

Он очень вырос. Я помнила еще того нелюдимого мальчугана, которому читала сказки в семейной библиотеке.

— Вы меня знаете? — Мужчина снова посмотрел на меня и оглянулся на Майю, чье лицо так и скрывал капюшон.

Я молчала слишком долго, меня вновь дезориентировало то, сколько прошло лет. Даэв обогнул меня, собираясь скрыться в постоялом дворе.

Наблюдая за его удаляющейся спиной, я наконец очнулась.

— Сезар Шоу. — Он замер, так и не пройдя в распахнутую служащим дверь. Но потом вновь сделал шаг. — Твой меч. Нэглинг... Помнишь, кто помогал тебе выбрать его имя?

Сезар порывисто обернулся. Одевания его взметнулись в воздух, словно огромные крылья птицы. На мгновение в выражении его глаз я вновь увидела мальчишку, каким он остался в моей памяти, а не мужчину, которым див стал теперь.

Время застыло. Я слышала каждый его шаг, будто они эхом повторялись в моей голове. Он приблизился ко мне вплотную, оказавшись гораздо выше тела, в котором я теперь находилась.

— Кто ты? — тяжело спросил Сезар. Дыхание его сбилось. Он потерял самообладание. — Кто сообщил тебе его имя?

Я не могла сказать прямо, нужны были доказательства.

Я отступила, снимая под пронзительным взглядом свою ношу со спины. Присутствующие с крыльца наблюдали за разворачивающейся картиной с легким недоумением, тихо переговариваясь между собой.

Мне пришлось опустить сверток на землю — он был настолько тяжелым для меня, что я не могла развернуть его на весу. Див возвышался надо мной, точно скала над тихой водной гладью.

Развязав бечевку, я осторожно приоткрыла сверток, чтобы показать эфес с переплетающимися виноградными листьями. Он был уникальным, единственным в своем роде. Мастера никогда не куют одинаковых.

Я подняла голову, одновременно убирая последний слой кожи и наблюдая, как дергается кадык на шее даэва, а ладони сжимаются в кулаки.

— Это невозможно... Этот меч... — Его мантия разметалась, собирая всю дорожную пыль, когда он присел перед оружием и протянул руку, не касаясь рукояти. — Ничего ведь не осталось.

На моем лице застыла маска. Я вдруг увидела, что глаза дива заблестели.

По мне горевали... Зажигали погребальный костер. И в день памяти посещали мою пустую могилу. Сезар правда думал, что я погибла. Мне стало горько оттого, сколько боли я причинила своим родным. Они давно похоронили меня, а теперь я словно восстала из пепла.

Голова заболела. Но слезы не шли — я давно уже разучилась плакать.

— Я... — Я коснулась кожи, которой был обернут Туманный, собираясь вернуть ее на место. Не в силах найти оправдание, я прошептала: — Извини.

— За что вы извиняетесь? — Сезар поднял голову. Его взгляд шарил по моему лицу — настойчиво, упрямо.

— За то, что не смогла прийти раньше, — прошептала мои губы в ответ.

Див вдруг схватил мою руку, и я ощутила тепло — он считывал мои эмоции. Мою печаль, что сливалась с его и становилась невыносимой настолько, что мужчина через несколько секунд отдернул ладонь.

Сезар выглядел потрясенным.

— Я не понимаю, что происходит, но идемте. — Он сам быстро завернул меч и передал мне лямку от ножен.

Див шагнул к ступенькам, я же оглянулась на Майю, беззвучно призывая ее идти рядом.

Многие даэвы были красивы, но внешность некоторых сражала и покоряла. Что-то в них казалось настоящим. Мой взгляд часто не мог оторваться от волос моего брата Фредерика, которые даже при све-

те костра блестели как золотые нити, но особенность Сезара оказалась куда глубже: он шел, словно плыл, природная грация и изящество движений вызывали неестественное чувство благоговения.

Ничего удивительного, что Майя оцепенела. А когда я подошла ближе, вцепилась в мою руку, дрожа.

Мы прошли мимо остальных воинов, что смотрели на нас внимательно и настороженно, но в то же время никто не спешил задавать Сезару вопросы.

ЛЮЦИЙ МОРАН

Мортемы используют для воссоздания существ свою внутреннюю тьму. Чем больше в них темной силы, тем могущественнее их магия.

Но ни одно тело не способно вместить в себе слишком много темной энергии, не начав разрушаться. Именно поэтому их силы весьма ограничены.

«Энциклопедия 1 уровня».
Библиотека Академии Снов

— Расскажи мне сама, прежде чем я начну говорить глупости. — Заперев дверь, Сезар повернулся к нам.

Я оглянулась: в комнате стояла лишь кровать с резными столбиками и тумбочка. Аскетично. Ничего лишнего. В дальних путешествиях ценились чистота и удобство, а не внешний лоск.

Подойдя к постели, я положила Туманный на покрывало. Внимание мужчины вновь сосредоточилось на мече.

— Он тяжел для тебя, — произнес див, лишь констатируя факт.

— Да, — отозвалась я.

— Но все же ты можешь его поднять, — добавил он, словно насквозь прожигая меня взглядом.

Мы остались наедине. Пусть это и вызвало вопросы у остальных, но никто не смел их задавать — Сезар добился высокого положения, обусловленного не только покровительством моей семьи.

Я обернулась к Майе, одним взором говоря «Пора», — к счастью, она уже успела прийти в себя.

Отойдя в сторону, я медленно следила за тем, как ее капюшон с шорохом спадает, обнажая лицо. Лишь теперь я подумала, что, возможно, шоком станет и то, что я совсем не изменилась. Теперь я выглядела даже младше того мальчика, который, как и я, рано лишился родителей. Но в отличие от меня его не приняли в семью и не подарили свою фамилию, а просто взяли на воспитание.

— Сара, — выдохнул мужчина. Медленно, шаг за шагом, он приближался к девушке, словно боясь спугнуть. Сосредоточенный лишь на моем настоящем лице, он даже не заметил, что Майя, запаниковав, стала пятиться к стене.

Я преградила ему путь.

— Сара я, а не она, Сезар. Поверь мне, ты ведь знаешь, я никогда бы не соврала.

С каждым моим словом взгляд дива прояснялся. Он остановился всего в паре десятков сантиметров от меня и долго сохранял молчание, а мой взор оставался на уровне его мерно поднимающейся и опускающейся груди.

Аромат лаванды, висевший в воздухе, стал как никогда ярким.

— Как такое возможно? — хрипло спросил мужчина, нарушив тишину.

— Не знаю. Я очнулась в склепе неподалеку от Тронга. В Миртовом лесу, кажется... — Я оглянулась

на Майю. Девушка кивнула, подтверждая мои слова. — Она была рядом, держала меня за запястье, когда мы вдруг поменялись телами.

Сезар посмотрел на Майю, а та быстро отвела взгляд, то ли смутившись, то ли испугавшись.

— Удивительное совпадение, — заметил он.

Повисло напряжение, девушка молчала.

— Кто-то нанес печати в склепе. Кровью. Там были разные знаки: и ограждающие, и защитные, и даже те, что согревали его стены. Но когда я очнулась, они все были выжжены.

— Нанесены кровью?

— Да. Учитывая, что мы на земле теневых, все более чем очевидно.

На скулах Сезара заиграли желваки. Но всего на несколько секунд, до того момента, как див прикрыл глаза, вздохнул, а когда вновь посмотрел на мир, на его лицо вернулось прежнее непроницаемое выражение.

— По словам Майи, раньше, когда она собирала ягоду в тех местах, то постоянно натыкалась на незримый барьер, — снова заговорила я. — Но вчера преграды вдруг не стало.

— Значит, к ее появлению печати уже были выжжены, — заключил страж и вновь посмотрел на девушку за моей спиной. — И вы не побоялись преодолеть те границы и даже войти в склеп? Одна? В место, которое ограждала магия?

Слова дива звучали как обвинение и даже меня заставили задуматься над ситуацией. Люди опасались колдовства словно хвори. Далеко не все понимали разницу между нашей силой и темной энергией, что вырывается из расколов в Дэвлат.

И от этого поступок Майи выглядел еще более подозрительным.

— Я... я... Я надеялась, что отыщу там что-нибудь ценное. Поэтому не позвала никого. Хотела отца порадовать, помочь ему. Мне было стыдно, да и страшно тоже, поэтому не призналась сразу, — практически прошептала она.

«Отыскать что-нибудь ценное...» — повторила я про себя. И нахмурилась.

— Майя, деньги не стоят жизни. А в этот раз ты рискнула ею дважды. — Девушка подняла на меня взгляд — с надеждой, понимая, что я не злюсь, и в то же время внимательно слушая. Но и разозлить меня было сложно, практически невозможно. — Ты вошла в склеп одна. Неизвестно, какое порождение тьмы могло спрятаться там на день. Не говоря уже о магии, способной тебя убить. Но в самый первый раз ты подвергла свою жизнь опасности, когда замыслила воровство. Даже будь там что-то ценное, это вовсе не означает, что у этого нет владельца или хозяина. — Я на несколько секунд замолчала, прежде чем продолжить: — Майя, каждое преступление или злонамеренная мысль очерняют душу. Я не пытаюсь запугать тебя. Просто, возможно, когда-нибудь именно чистота помыслов спасет твою жизнь.

Едва я закончила, как в комнате раздался тихий смех. Я с недоумением оглянулась. Сезар стоял, прикрыв половину лица — подбородок и губы — ладонью, а другой рукой уцепившись за столбик кровати.

Я застыла, ведь раньше почти не видела его улыбки. Зато теперь, став взрослым, Сезар так просто предавался веселью.

В первое время, когда его только привезли в обитель, он был угрюмым, прячущимся ото всех ребенком. Брать в семью чужих детей у даэвов было делом обычным — не каждая охота на порождения тьмы проходила благополучно, бывало, умирали целые отряды. И у Сезара погибли оба родителя, поэтому он оказался на воспитании в ордене Сорель.

— Узнаю этот строгий тон. Раньше он пугал меня.

— Пугал?

— Потому что он просто не оставляет места для шалости, Сара. — Сезар перестал смеяться, а в глазах его будто поселилось грозное небо.

А я в который раз подумала, что от того мальчишки мало что осталось.

Сколько ему лет? Должно быть, не меньше тридцати семи. Даэвы живут дольше из-за своей силы, и поэтому стареем мы медленнее. Если бы не его манера держаться, Сезар бы выглядел как двадцатипятилетний парень.

— Это чудо... Фредерик сказал, что ты погибла в день второго раскола, как и многие другие. Что тот див тени убил тебя, утянув за собой в бездну, — проговорил он, касаясь моей щеки. Кожу опалило жаром и оцарапало мозолями — как и все даэвы, Сезар постоянно упражнялся с мечом. — В первое десятилетие он так часто бывал на твоей могиле. И даже сейчас...

— Я участвовала в том сражении? — Опушенный было взгляд взметнулся вверх.

Сезар кивнул.

— Разве ты не помнишь?

— Нет. Не знаю почему, но я многое позабыла, — отозвалась я, но мои мысли были не со мной.

Фредерик сказал... Значит, брат видел мою смерть?

Второй портал в Серый мир появился весной тысяча двести двадцать третьего года после появления Первого раскола. Если это так, то я успела окончить Академию Снов и пройти все испытания — более того, после моего выпуска минуло чуть меньше года.

Я не помнила гораздо больше, чем предполагала. Из моей памяти начисто исчезли события последних месяцев, и это не считая выборочных темных пятен.

Я пошатнулась, но устояла. Усилием воли заставила себя собраться.

«Это мелочь, я справлюсь», — сказала я самой себе.

— Но я ведь жива. Все же меня не убили.

— В то время из-за Морана погибли многие. Большинство из них сгинули в открывшемся расколе, других он убил собственной рукой.

— Но почему он их убил? Что заставило его это сделать? — бесцветным голосом спросила я.

— На его орден напали. Он дал тьме поглотить себя, — коротко произнес див.

— Нет. Это невозможно, — возразила я, даже не задумываясь.

В отличие от нас, светлых, в даэвах тени изначально по полному праву присутствовала тьма. Но их магия не создавала ревенантов и монстров, как и не властвовала над самими воинами. Если только кто-то из них сознательно не отдавал ей власть над собой.

Хотя последнее — полнейший бред. Так поступают лишь те, кто решил раз и навсегда распрощаться с жизнью.

Я могла поверить, что Люций Моран стал мерзавцем или даже убийцей. Но также я могла поклясться собственной жизнью в том, что он никогда не был слабаком. Он убил своего первого ревенанта в шестнадцать лет, и это случилось на моих глазах.

Лагерь у озера Спокойствия, тридцать три года назад...

Стоило пройти через главные ворота, как наше внимание привлекла толпа даэвов, собравшихся дальше по дорожке, неподалеку от одного из многочисленных домиков. Они что-то кричали, поднимая руки, и находились в постоянном движении, то сужая, то расширяя импровизированный круг в центре.

Все в одинаковых черных туниках длиною чуть ниже колен, прямых просторных штанах, заправленных в высокую кожаную обувь. Одежания различались лишь цветом вышивки. Свои первые мантии, которые были настоящим произведением искусства, даэвы получали лишь в восемнадцать лет, и в этом же возрасте мы отправлялись в Академию Снов.

За всю жизнь я лишь пару раз видела взрослых темных и никогда — своих сверстников. Весь последний год Фредерик подогревал мое любопытство, рассказывая про даэвов тени. В основном слова брата были далеки от лести, но магия, которой даэвы тени обладали, определенно завладевала его мыслями. С самого рождения даэвы тени взаимодействовали с темной магией — сила исхода и воплощения обязывала к этому. Тогда как светлым для развития способностей этого не требовалось.

Я невольно остановилась, как и остальные из нашего ордена. В этом году на обучение из ордена отправили восемь даэвов. Такое количество считалось довольно большим, но и наша обитель была самой крупной во всей Исонии.

Каждый юный воин, который в будущем собирался учиться в Академии Снов, должен был в течение двух

лет перед поступлением прибывать на пару недель в это место.

— Снова, — покачал головой Фредерик, но его осуждающий тон не обманул меня. Его глаза горели. Ему было интересно, чем закончится поединок.

— Почему они дерутся? — спросила я, разглядывая мельтешившие внутри круга фигуры.

— Не знаю, наверное, просто так. Но сейчас им влетит, — хихикнула Айвен, светлая дэва из моего ордена, обладательница живых серо-зеленых глаз и темно-русых волос, прикрывая рот ладонью и показывая на разгневанного дива, мчавшегося к нам с другого конца двора.

Темный шел быстро, яростно потряхивая рукой, в которой сжимал длинный прут. Толпа, заметив угрозу, немного рассеялась, и я наконец-то увидела дерущихся — двое теневых дивов сражались на мечах.

Юноши боролись с запалом, ожесточенно. Даже без своего дара я видела это по их лицам.

Сталь пела, неся в мир свою яростную мелодию.

Моя ладонь невольно скользнула к Туманному.

Это не тренировочный бой. Потасовка, чтобы выпустить пар.

Их эмоции пропитали воздух и пощипывали кожу. В этот момент, чтобы ощутить чужие чувства, мне даже не требовалось касания. Я впервые сталкивалась с подобным, ведь светлые старались держать себя в руках, подавляя эмоции и не давая им изливаться в мир таким беснующимся, всепоглощающим потоком.

Происходящее начинало казаться абсурдным и даже раздражающим — все равно что кто-то кричал бы в ночной тишине, не давая никому уснуть. Но в то же время я медлила, не отгораживаясь от их эмоций, что,

словно воды буйной речки, окутывали меня. Взгляд привлек один из дерущихся.

Юноша, который с невиданной легкостью сжимал клинок. Уже в таком юном возрасте теневой див установил идеальную связь со своим оружием. И насколько темна была сталь меча, настолько, в противовес этому, оказались светлы волосы его владельца. Почти как снег. Когда парень двигался, казалось, что они и блестели так же.

Лишь гораздо позже я поняла, что ночью чуть отросшие локоны парня становились цвета пепла, остающегося после погребального костра. А сейчас просто наблюдала за незнакомым дивом.

Он определенно отличался от остальных. И сражение приносило ему истинное удовольствие. Ему нравилось это насилие.

Осознав это, я с отвращением отгородилась от энергии, бурлившей в воздухе. А спустя секунду даже с удивлением поняла, что не просто отгородилась, а подавила. Отняла эмоции, что так будоражили дерущихся и окружавшую их толпу.

Напряжение, висевшее в воздухе, мгновенно испарилось. Запал исчез.

Даэвы хмурились, до конца не понимая случившегося, но смутно чувствуя мое вмешательство. А юноша остановился, все еще крепко сжимая в ладони клинок. Вдруг он посмотрел на меня и сощурился, а в серых глазах за клубилась тьма.

«Мортем», — догадалась я, не отводя взгляда, рассматривая его так же пристально, как он меня.

Насилие — грех. Меня несколько лет учили этому. И тому, как важны помыслы. Сражаться, чтобы оттачивать навыки во время занятий, в свободное время, на тренировочных площадках — это одно, и совсем

